

Александр Ставрос

Глаз Ундины

<https://litres.ru/74658754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ветеран Торвальд, двадцать три года державший меч, а теперь продающий последние вещи, получает от местного ростовщика предложение, от которого не может отказаться: спуститься в пещеру, вынести древний артефакт — и долг будет закрыт. Мрачное фэнтези о цене долга и людях, которых считают расходным материалом — для тех, кто любит истории, где правда оказывается страшнее любых слухов.

Глаз Ундины

Пламя факела металось, и тени по стенам ходили ходуным, как живые. Торвальд давно перестал считать повороты. Туннель тянулся вниз, в самое нутро Черного Клыка, и с каждым шагом воздух становился тяжелее — густой, влажный, с привкусом железа на языке.

Он был высок, этот воин, и широк в плечах, но годы уже подточили стать: плечи чуть ссутулились, будто на них до сих пор лежал невидимый доспех. Седые пряди пробивались в тёмных, коротко стриженных волосах, лицо пересекали шрамы — один через щеку, другой, длинный и бледный, ото лба к скуле. Левая рука двигалась скованно: под рукавом стягивала старую рану грубая кожаная перевязь. Кольчуга на нём была латаная, в двух местах насквозь пробитая и зашитая медной проволокой, сапоги просили каши ещё с прошлой осени.

Воин придержал факел у лица и развернул карту. Пергамент обмяк от сырости, чернила расплылись лиловыми кляксами, но линия была видна — кривая, дрожащая, как след хромого человека по грязи. Ещё триста шагов по главному ходу, затем направо, в галерею с тремя обвалами. Там, если верить рисунку, стоял алтарь.

— Это алтарь, — вслух повторил Торвальд, и голос утонул в камне, не вернувшись даже эхом.

Смешно. За всю жизнь он видел ровно два алтаря: один в

гарнизонной часовне, где капеллан благословлял новобранцев перед боем, второй — у язычников на севере, обманный чем-то бурым. Вот теперь третий. За него посулили столько, что можно не думать о зиме.

О зиме Торвальд думал постоянно. Это было даже не размышление, привычка вроде хруста в колене. Он считал всё: монеты, дрова, тёплую комнату и хлеб с салом. Двадцать три года он держал в руках меч и был уверен, что этого достаточно. Оказалось — нет. Оказалось, что мускулы, шрамы и умение держать строй — товар, который никому не нужен, когда королевство перестало воевать. Сначала кончилось жалование. Кончилась гордость. Он продал нагрудник, затем второго коня, затем кинжал с орлиной головой на рукояти, который добыл в былые более удачные годы жизни.

Появился ростовщик Элрик.

Хозяина ссудной лавки в Нижнем городе знали все, и все при одном его имени невольно понижали голос. Это был человек невысокий и до того тучный, что казался втиснутым в собственное тело, как в чужой сундук. Кожа у него лоснилась, на щеках цвела нездоровая краснота, короткие пальцы сплошь унизаны медными перстнями — дешёвыми, с потемневшей эмалью, но их было столько, что рука казалась окованной. Глазки-бусинки прятались в складках век, и, когда он говорил, они почти не мигали. Запах от него шёл особый: прогорклое масло, кислое вино и что-то приторное, вроде патоки. Он всегда говорил вкрадчиво, из-за чего в долг под

большие проценты бралось на много легче.

В Нижнем городе знали одно правило, и правила этого никто не обсуждал вслух: Элрику платят. Не потому, что так честно, потому что иначе за тобой придут. Поговаривали, что у ростовщика под рукой целая свора наёмных убийц — не гильдия, именно свора, без имён и лиц. Те, кто пробовал тянуть с выплатой или скрыться, пропадали. Тихо, без лишнего шума, без крови на пороге. В тавернах об этом рассказывали полушёпотом, потому что даже рассказать было страшно. Хуже того — никто ни разу не видел ни одного из этих убийц, а их жертв тем более. Только рассказы: «Элрику не заплатил — и тебя больше нет».

Когда Торвальд понял, что долг ему не отдать и за десять лет, он стал ждать ножа. Каждую ночь, засыпая в обшарпанной комнате, он прикидывал, откуда войдут. Каждый раз он просыпался живым. Неожиданно ростовщик позвал его и предложил работу.

— Понимаю ваше положение, господин Торвальд, — сказал он, поглаживая подбородок. — Долг есть долг. Я не зверь. Одна услуга — и вы свободны.

Он подтолкнул через конторку свёрнутый пергамент.

— В пещерах под Черным Клыком схоронена древняя вещица. Камень, именуемый Глазом Ундины. Принесите — и мы квиты. Более того, насыплю сверху столько, что хватит на собственное дело.

Торвальд тогда даже не задался вопросом: почему Элрик

не послал своих людей? Почему доверился должнику? Чутьё старого солдата дало сбой. Когда годами ждёшь удара в спину, а тебе вдруг предлагают выход, разум слепнет. Карта и рассказ про реликвию стали для него соломинкой, за которую хватается утопающий. Это был единственный шанс вырваться из нужды, и ради него Торвальд просто заставил себя поверить во всё: и в Глаз Ундины, и в неожиданную милость ростовщика.

Развилка в форме волчьей пасти. Торвальд миновал её и шагнул в галерею. Здесь стало светлее от чего-то белого, разбросанного по полу, и он даже успел обрадоваться — думал, известь, птичий помёт, следы обвала.

Это были кости.

Зал раздался вширь неожиданно. Торвальд поднял факел выше, и дрожащий свет выхватил из мрака стены. Они не были глыбами мёртвой породы: по камню вились стёртые от сырости, глубоко выбитые письмена и жутковатые барельефы, изображавшие людей, покорно идущих в огромную зубастую пасть. Кто-то усердно расписал эти своды сотни лет назад. В центре зала возвышалась широкая каменная чаша, к которой вели три ступени. Ступени были вырублены грубо, наспех, но явно не природой — здесь потрудились руки. Древний, давно сгинувший во тьме веков культ когда-то обустроил это место для кормления своего подземного божества. Белые обломки лежали всюду: у стен, под ногами, кучами, будто кто-то долго и небрежно подметал здесь смерть.

Торвальд опустился на корточки и поднёс факел ближе. Не звериные. Людские. Не древние — на одной берцовой кости ещё висели остатки ремня с медной бляхой.

Он поднял щит, валявшийся чуть поодаль. Краска облезла, дерево расслоилось, но герб читался: дикий вепрь.

Борк.

Северянин с низовьев, огромный, шумный, с рыжей бородой, заплетённой в две косы, и голосом, от которого в «Трёх Подковах» дрожали кружки. Он пил с Торвальдом прошлой весной и жаловался, что увяз у Элрика выше горла. Смеялся при этом громче всех, будто долг был не его заботой, чьей-то чужой. Борк, о котором потом говорили, что его достали-таки люди ростовщика. Торвальд сам в это верил. Он сам это повторял.

Он сел на камень, не выпуская щита, и вдруг почувствовал, как всё внутри выстраивается в ровный, холодный порядок — так же, как когда-то на поле боя, когда в сутолоке вдруг становилось видно весь строй целиком.

Не было никакого Глаза Ундины. Не было ни клада, ни драгоценного камня. Этот алтарь... он предназначался не для молитв, а для жертвоприношений. И — вот тут у него по спине поползло ледяное — не было никаких убийц.

Никогда не было.

Зачем Элрику платить золотом настоящим головорезам? Зачем посылать их против отчаянных, вооружённых, загнанных в угол людей, которые умеют убивать лучше многих?

Один такой резак стоит дорого, и он ещё может не вернуться. Карта же стоит почти ничего. Пергамент, и рассказы про камень, и ласковый голос — всё это дешевле дешёвого.

Зачем — Элрик себе объяснял просто. Должник, который не платит, — это вор, только медленный, растянутый на годы. Нанимать нож дорого, суд ненадёжен, тюрьма и вовсе разорение: корми его потом на свои деньги. Человек, ушедший в Чёрный Клык и не вернувшийся, не стоил ростовщику ничего — и при этом стоил дороже всякого ножа. Раз в несколько месяцев, не чаще, ровно настолько, чтобы город помнил и чтобы страх не покрылся пылью. Должник уходил за ворота с картой — и пропадал. Остальное Нижний город додумывал сам: свора без лиц, ножи, сточные канавы. Страх работал вместо наёмников, бесплатно и без промаха.

Торвальд провёл ладонью по лицу и тихо, беззвучно засмеялся. Двадцать три года в строю, купил его не меч, пергамент.

Из чёрного зева дальнего туннеля донеслось дыхание. Не рык — именно дыхание, глубокое, медленное, с присвистом, от которого задрожала мелочь под сапогами. По камню заскребли когти. Длинные. Тяжёлые.

В темноте вспыхнули два жёлтых огня, слишком высоко, чтобы это был волк или медведь.

Торвальд вогнал факел в расщелину между камнями и вынул меч. Свет лёг на отточенное лезвие.

Тварь зашипела, обнажая ряды бритвенно-острых клы-

ков, с которых капала густая слюна.

— Ну давай, — Торвальд встал в стойку, чувствуя, как адреналин вытесняет боль из старых ран. — Посмотрим, по зубам ли тебе старый гвардеец.

Он не знал, выберется ли отсюда. Если он выживет, следующей пещерой, куда он заглянет с этим мечом, будет лавка ростовщика в Нижнем городе. Этот долг Торвальд вернет сполна.

* * *

Зима в Нижнем городе начинается не с мороза, со специфического запаха. Сначала в воздухе появляется гарь от сырых дров, затем — вонь мокрой шерсти, которую перекупщики скупают по дешёвке у пастухов, и только потом, недели через две, ударит настоящий холод. Торвальд знал этот порядок слишком хорошо. Он прожил в Нижнем городе четыре года и выучил здешние приметы лучше, чем в своё время уставы гвардии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.